

Маленький человек в черном

*Из «Сальмагунди» или «Причуд
и мнений Ланселота Лэнгстаффа, эсквайра и других»
(1807–1808 гг.),
авторы: Вашингтон Ирвинг, Уильям Ирвинг
и Керк Поулдинг.*

Перевод С. Рюмина.

XVIII, вторник, 24 ноября 1807 года

Ланселот Лэнгстафф, эск.

Эту историю передают в нашей семье из поколения в поколение уже больше века. Мой кузен Кристофер любит смаковать ее во всех подробностях, и так как она до известной степени связана с персонажем, часто упоминаемым в нашем труде, то на мой взгляд заслуживает быть представленной читателям.

Вскоре после того, как мой дед мистер Лемюэль Коклофт обосновался в поместье и ровно в тот момент, когда соседские сплетники, совавшие нос в его дела, изнывали по новой пище для пересудов за чайным столом, нашу маленькую работящую сельскую общину ввергло в состояние великого смятения, любопытства и домыслов, — как это часто бывает в крохотных, погрязших в сплетнях деревеньках, — внезапное необъяснимое появление загадочной личности.

Предметом беспокойства стал невысокий мужчина иноземной внешности с суровым взглядом, занявший старый дом, пользовавшийся дурной славой, почти развалившийся и нагонявший ужас на всех, кто верил в привидения. Незнакомец обычно носил остроконечную шляпу с узкими полями и черный плащ, такой

кущий, что тот едва доставал ему до колен. Он не искал ничьей близости или знакомства, не находил, похоже, удовольствия ни в увеселениях, ни в мелких раздорах маленькой деревни, даже не разговаривал ни с кем за исключением тех случаев, когда говорил сам с собой на чужом языке. Нередко с видом человека, погруженного в глубокие раздумья, он держал под мышкой завернутый в овчину большой том и попадался селянам то наблюдающим утреннюю зарю, то в полдень сидящим под деревом уткнувши нос в свою книгу, то вечером провожающим сосредоточенным умиротворенным взглядом уходящее за горизонт солнце.

Добрые люди из округи находили в этом нечто чрезвычайно странное. Чужака как будто окутывал густой туман тайны, в которую несмотря на всю остроту ума ни один из них не мог проникнуть. От избытка мирского снисхождения они объявили, что «он определенно не лучше того, каким хочет казаться» — безобидное суждение само по себе, но в широком смысле способное вместить в себя любое порицание. Молодые считали его унылым мизантропом, потому что он никогда не принимал участия в их играх. Старики отзывались о нем и того хуже, ведь он ничем не занимался и, казалось, не стремился заработать хотя бы фартинг. А что касается старых сплетниц, то в раздражении от упрямой молчаливости незнакомца они единодушно признали: человек, не способный или не желающий разговаривать, ничем не отличается от безмозглой скотины. Маленький человек в черном не обращал внимания на молву и, похоже, не собирался ни с кем делиться своей тайной. В итоге через некоторое время вся деревня встала на дыбы, ибо в небольших общинах

их члены всегда пользуются привилегией все знать о делах друг друга, если не совать в них нос.

В воскресенье после проповеди у входа в церковь состоялось секретное совещание, посвященное тщательному расследованию поведения незнакомца. Школьный учитель высказал мнение, что это вечный жид. Пономарь был уверен, что раз он все время молчит, значит, масон. Третий с большим упорством утверждал, что странник — знатный доктор из Германии, а томик, который он носит под мышкой, содержит секреты чернокнижия. Возобладало, однако, мнение, что он ведьмак. Подобные существа в то время и тех краях водились в избытке. Одна старая баба из Коннектикута дальновидно предложила проверить этот факт, окунув чужака в чан с кипятком.

Подозрения, однажды всплыв, менялись, как морские течения и ветер, пока не превратились в уверенность. Во время ночной бури при сполохах молнии маленького человека в черном не раз видели скачущим и летающим по воздуху на метле. Все замечали, что в таких случаях буря приносила больше ущерба, чем обычно. Старуха, предлагавшая устроить испытание кипятком, в одну из подобных ночей потеряла ладную пегую корову, и случай этот был полностью приписан мстительной натуре маленького человека в черном. Когда непослушному батраку случалось без спроса стогнать на любимой хозяйской лошади к дальней зазнобе, и кобыла по утру едва волочила ноги, винили неизбежно маленького человека в черном. Стоило сильному ветру завывать ночью в трубе, как старухи пожимали плечами и говорили: «Опять маленький человек в черном разбушевался». В общем, он превратился в жупел для каждого дома, им пугали, призывали к по-

слушанию и доводили до истерики маленьких детей. Ни одна хозяйка в деревне не могла спать спокойно без прибитой к двери, охраняющей от нечистой силы подковы.

Сам предмет зловещих подозрений некоторое время совершенно не замечал вызванную им усобицу, но вскоре был вынужден испытать на себе ее воздействие. Человек, впавший в немилость всей деревни, попадает в положение поставленного вне закона изгоя, в особенности, если у него нет возможности или желания чем-то ответить. Мелкие ядовитые страсти, которые во внешнем мире бывают рассеяны и разбавлены большими расстояниями и тем ослаблены, в узких пределах глухой провинции действуют с концентрированной силой — тем ожесточеннее, чем меньше сфера их обращения. Маленький человек в черном познал на себе истинность этого правила. Любой мальчишка, возвращаясь из школы, мог совершенно безнаказанно побить окна в его доме, и это считалось высшей доблестью, потому что даже самый отчаянный сорвиголова держался подальше от его двери, а по ночам обходил дом кружной дорогой, хотя на ее перекрестке индейцы однажды убили путника, — лишь бы не проходить мимо порога жалкой лачуги.

Единственным живым существом, выказывавшим любовь и участие ко всеми брошенному человеку, был старый таксик, живший с ним в пустом доме и сопровождавший его в одиноких прогулках. Пес делил с ним пищу и — с сожалением должен сказать — преследования. Таксик под стать хозяину вел себя мирно и безобидно. Никто не видел, чтобы он залаял на лошадь, зарычал на прохожего или подрался с соседскими собаками. Когда хозяин выходил из дома, пес следовал

за ним по пятам, а когда возвращался домой, вытягивался в лучах солнца перед порогом. В общем, вел себя во всех отношениях, как и полагалось воспитанной, добропорядочной таксе. Однако, несмотря на добрый нрав, даже пес снискал в деревне дурную репутацию, ведь он был сообщником маленького человека в черном и дьявола, с которым тот состоял в сговоре. Старая лачуга считалась местом проведения нечестивых ритуалов, а ее безобидные обитатели вызывали ничем не заслуженную ненависть. Сколько бы ни бросались камнями и ни улюлюкали местные сорванцы, как часто бы ни обижали чужака их родители, маленький человек в черном никогда не порицал их, а его верный пес, когда на него нападали без причины, с тоской смотрел в лицо хозяину, беря с него пример долготерпения и всепрощения.

В поместье Коклофта жизнь загадочного соседа давно служила предметом домыслов. В догадках терялся и стар, и млад. Людей в особенности удивляла терпеливость, с какой тот сносил все преследования, ибо в семействе Коклофтов такая добродетель как терпение встречалась редко. Моя бабка, довольно суеверная, не видела в этом смирении ничего кроме мрачной угрюмости колдуна, который сдерживался днем, чтобы отомстить в полночь. Деревенский священник, человек начитанный, принимал упрямое бесчувствие за философский стоицизм. Мой дед, добрая душа, редко искал объяснений у заграничных умов и, полагаясь на подсказку своего чистого сердца, видел в поведении незнакомца безропотное всепрощение христианина. Несмотря на различия во мнениях о природе чужака, все сходились в одном — его лучше не трогать. Мой дед, который в то время нянчился с моей матерью, ни-

когда не выходил из комнаты, не положив на всякий случай в колыбель большую семейную Библию — надежный, как он считал, талисман от колдовства и чародейства.

Однажды беспокойной зимней ночью, когда суровый северо-восточный ветер стонал между коттеджами и завывал в деревенской колокольне, мой дед возвращался из клуба. Впереди шел, освещая дорогу фонарем, слуга. Когда они проходили мимо заброшенного жилища маленького человека в черном, деда остановил жалобный собачий вой, прорывавшийся сквозь шум бури. Вой был исполнен горести. Деду показалось, что в перерывах он слышал низкие, прерывистые стоны страдающего от боли человека. Дед несколько минут колебался между добротой сердца и природным чувством такта, которым несмотря на причуды был наделен в полной мере и которое не позволяло ему совать нос в дела соседей. Возможно, его нерешительность отчасти объяснялась и легким налетом суеверия. Если незнакомец в самом деле злоупотреблял колдовством, то вряд ли мог выбрать для своих козней более подходящую ночь. В итоге человеколюбие одержало верх. Дед подошел к лачуге и толчком распахнул дверь — бедности неведомы ключи и запоры. При свете фонаря он увидел сцену, глубоко потрясшую его щедрое сердце.

На жалкой кровати, с мертвенно-бледным, изможденным лицом, с запавшими глазами, в комнате, лишенной каких-либо удобств, без огня, чтобы согреть его, без друга, чтобы его утешить, лежал и умирал беспомощный сосед, так долго наводивший ужас и сомнения на всю деревню. Его пес, дрожа от холода, съежился на закопченной рогожке. Мой дед потихонь-

ку неуверенно подошел к постели и в своей обычной добродушной манере обратился к бедняге. Маленький человек в черном, услышав участливую речь, очнулся от забытья. Хотя сердце его почти превратилось в лед, в душе нашлась струна, откликнувшаяся на зов склонившегося над ним старика. Сочувствие было настолько непривычно для его уха, что напрягло угасающие органы чувств умирающего и подействовало, как тонизирующее средство, на его отвыкшие от человеческого общения эмоции.

Он поднял веки, но взгляд его был безучастным и тусклым. Он протянул руку — она была холодна. Попытался заговорить — слова застревали в глотке. Он указал на свои губы с глубоким выражением печали. Мой дед понял, что безобидный незнакомец, покинутый обществом, умирал от голода! В порыве сострадания он отправил слугу в поместье за едой. Немного теплой пищи восстановило силы отшельника, но ненадолго — было видно, что его земное паломничество подходило к концу и он приближался к мирному приюту, где «прекращается суэта неправедных».

Его рассказ о злоключениях был краток и занял мало времени: слабость подкралась, усугубленная суровым временем года, он слег, не имея сил ни подняться, ни позвать на помощь. «Да если бы и смог, — горестно сказал он, — к кому я бы обратился? У меня во всем мире нет ни одного друга! Сельчане меня презирают и боятся. Я бы так и умер один среди христиан, и никто из соседей не скрасил бы мою последнюю минуту, не прикрыл мои потухшие очи, если бы вой моей собаки не привлек ваше внимание».

Его глубоко тронула доброта моего деда. Когда он взглянул в лицо благодетеля, по высохшей щеке за-

творника украдкой скатилась одинокая слеза. Бедный изгнанник — он пролил свою последнюю слезу, но могу поручиться — счет их шел на миллионы! Мой дед просидел с ним всю ночь. К утру больной постепенно угас. Когда в окно заглянуло восходящее солнце, он попросил приподнять его на постели, чтобы посмотреть на него в последний раз. Он некоторое время смотрел на солнце, охваченный подобием религиозного экстаза, и губы его шевелились, словно в молитве. Дикая догадка метнулась в уме деда: он идолопоклонник! Поклоняется солнцу! Прислушавшись, дед покраснел, устыдившись своего недостойного подозрения, — человек всего лишь набожно, по-христиански молился. Закончив незатейливую молитву, маленький человек в черном отвел взгляд от востока, взял ладонь деда в одну руку, а другой указал на солнце: «Я люблю наблюдать за ним. Оно — символ всеобщей щедрости, как истинный христианин. Его свет — самое славное благодеяние, человеколюбие в чистом виде!» Мой дед еще больше смутился из-за своего поспешного подозрения. Поначалу он просто жалел чужака, теперь же проникся к нему уважением. Он повернулся, чтобы еще раз взглянуть на него. Во внешности незнакомца наступила перемена: озарявший его черты святой экстаз сменился выражением загадочной значительности. На рубленом лице промелькнул проблеск величия, словно оно хранило какую-то важную тайну, не решаясь ее открыть. Больной поправил съехавший ему на глаза потрепанный ночной колпак и медленным, величавым жестом повел исхудавшей рукой. «Вы видите, — сказал он с немногословной торжественностью, — вы видите перед собой последнего из потомков прославленного Линкума Фиделиуса!» Мой дед

посмотрел на него с почтением. Он никогда не слышал о знаменитости, чье имя было объявлено с такой помпой, однако оно содержало в себе оттенок готической горделивости, поражало странной красотой и вызывало невольное уважение.

— Вы были добры ко мне, — продолжал маленький человек в черном после короткой паузы, — и я богато вас вознагражу своим сокровищем! Вон в том большом ящике из еловых досок лежат тома моего славного предка. Мне посчастливилось стать их единственным владельцем. Возьмите их, прочитайте их, и вы обретете мудрость!

Речь утомила беднягу, и он повалился на подушки почти бездыханный. Рука, которую в знак важности предмета он поднял к плечу моего деда, отказалась служить и упала на постель. Верный пес лизнул ее, точно стараясь утешить хозяина в последнюю минуту и выразить благодарность руке, которая так часто ласкала его. Естественный порыв верного животного не прошел мимо внимания умирающего. Он поднял тяжелые веки, повел глазами на собаку, потом на деда, и, высказав свою безмолвную просьбу, сомкнул их, чтобы больше никогда не открыть.

Останки маленького человека в черном вопреки недовольству многих набожных селян похоронили на церковном погосте. И дух мертвеца — такой же безобидный, как и человек, в котором он когда-то обитал, — никогда уже не досаждал живым. Мой дед выполнил, насколько сумел, последнюю просьбу — перенес тома Линкума Фиделиуса в свою библиотеку и там частенько над ними корпел. Поумнел ли он — об этом история умалчивает. Известно только, что доброта его к бедному потомку Фиделиуса была вознагра-